

Путешествие в свой город

ШОЛОХОВ ЖИЛ НА ПЛЮЩИХЕ

Как все школьники, изучавшие творчество Михаила Шолохова, давным-давно я усвоил, что он родился, творил и живет по сей день на Дону. И только недавно, когда отмечалось шестидесятилетие с начала литературной деятельности писателя, узнал: в двадцатых годах несколько лет Михаил Александрович провел в Москве. На страницах комсомольских газет и журналов появились сначала первые фельетоны за подписью «М. Шолох», а затем рассказы, подписанные фамилией, которую знает сегодня весь мир. Поэтому мне захотелось узнать, где жил в Москве наш великий современник. Перечитал все книги о нем из редакционной библиотеки, а их тут целая полка. Автор одной из них, литературовед В. В. Гура, поведал со слов писателя один взволновавший меня эпизод:

«Не окончив Каргинского училища, — рассказывал мне Шолохов, — поступил в подготовительный класс Московской гимназии Шелапутина. Была в свое время такая гимназия. Учился в Москве года два-три...».

Значит, к нескольким годам жизни в Москве в начале двадцатых годов прибавляется еще «года два-три» в детстве... Сохранилась ли гимназия Шелапутина, о которой упоминал писатель? И, понятное дело, захотелось выяснить, где он жил, будучи гимназистом...

Начал с просмотра вышедшего в дореволюционные годы объемистого справочника «Вся Москва», отличавшегося, как теперь говорят, информативностью. Взял том за 1915 год и начал искать гимназию Шелапутина в списке частных учебных заведений, так как в другой литературоведческой работе указывалось, что отец поместил десятилетнего сына в частную гимназию.

Таких гимназий в Москве насчитывалось несколько десятков, и они обычно назывались именами директоров, аладельцев или попечителей. Но гимназии Шелапутина среди них не оказалось. Было частное реальное училище имени Анатолия Шелапутина в Большом Трубечком переулке. Было и городское ремесленное училище имени Григория Шелапутина в Миуссах... Но ведь в беседе с литературоведом М. А. Шолохов называл гимназию. Как оказалось, Шелапутины пожертвовали на «благое просвещение» большой капитал, и их именем было названо много учебных и одно лечебное заведение.

Заглянул на всякий случай, потеряв уже надежду, в список казенных учебных заведений. И тотчас нашел то, что долго не мог обнаружить: под № 8 значилось: «Гимназия им. Г. Шелапутина, Б. Трубечкой переулок, соб. д. (что значит собственный дом), тлф. 33-95, 8 классов и 1 приготовительный». Далее помещались фамилии директора и всех учителей, назывались и предметы, которые они вели. В этой, как, впрочем, и во всех других гимназиях, особое внимание уделялось изучению русского языка и литературы, древних и современных иностранных языков — латыни, греческого, французского, немецкого, истории, не забывались и естественные науки.

Итак, Большой Трубечкой переулок. Остальное было, как говорят, делом техники. Заглянув в конец книги, где давались справки об улицах и домовладениях, нашел адрес. Оказалось, что на углу Б. Трубечкого и Оболенского переулков располагалось не одно, а три учебных заведения имени Шелапутиных — педагогический институт, гимназия и реальное училище. Причем гимназия шла по переулку под № 18, а училище и институт под №№ 16 и 14. Прежде чем отправиться по этому адресу, выясняю: Большой Трубечкой переименован и называется теперь переулком Хользунова. Это у Комсомольского проспекта...

Выйдя из вестибуля станции метро «Фрунзенская», попадаю сразу в бывший Б. Трубечкой. На пути встают башни жилых

корпусов. А пройдя несколько сот метров, встречаю на углу с Оболенским переулком три старинных здания. Но хотя они и оказались перед глазами, выяснить, где среди них бывшая гимназия имени Г. Шелапутина, удалось не сразу. Под современным № 18 оказалось трехэтажное кирпичное нештукатуренное строение, не похожее на то, какие обычно занимали гимназии: представительные, с актовым и гимнастическим залами, просторными классами... А вот двухэтажный угловой дом, протянувшийся метров на сто вдоль Оболенского переулка, как раз напоминал всем своим видом классическую гимназию. Но этот дом с красивым фасадом, парадным входом, широкой лестницей, с высокими арочными окнами, за которыми угадывался актовый зал, имел № 14...

Возможно, поменялись номера домов. Но могли здание гимназии и снести. Стал листать вырванный уже не раз при таких поисках альбом фотографий, изданный газетой «Московский листок» в качестве бесплатной премии своим подписчикам в 1910 году. В разделе «Народное просвещение» нахожу большую фотографию встреченного мною на углу Б. Трубечкого и Оболенского переулков двухэтажного здания. Под ним надпись: «8-я гимназия имени Григория Шелапутина в Оболенском переулке, открытая 28 сентября 1901 года».

На снимке она показана сразу после своего возведения, еще не успели убрать деревянный забор, попали в кадр и рабочие, засыпавшие ямы, оставшиеся после стройки. А в сборнике, вышедшем к шестидесятилетию М. А. Шолохова, помещен другой снимок этого же здания, сделанный позднее, лет через десять: вокруг стен успели вырасти деревья. Взяв в руки лупу, прочел на фасаде дома надпись, окончательно убедившую — это то, что ищу: «Гимназия имени Григория Шелапутина».

К радости любителей московских достопримечательностей, могу сообщить, что здание бывшей гимназии отлично сохранилось. На его фасаде — вывеска Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К. Е. Ворошилова и три мемориальные доски, установленные в честь маршалов Говорова, Гречко и Захарова, бывших воспитанников этой академии.

Выяснив, где находится гимназия, в которой учился в первые классы будущий автор «Тихого Дона», естественно, захотелось узнать, где он жил тогда. Отец писателя, уехав на Дон, где-то поблизости от гимназии должен был поселить малолетнего сына. Но где?

На этот вопрос никто, кроме Михаила Александровича, очевидно, ответить не мог бы. Вот почему я написал письмо во Вешенскую с несколькими вопросами. И первый из них был такой: «Где жил в Москве гимназист Михаил Шолохов?». Попросил я помочь мне в поиске дочь писателя Марию Михайловну, живущую в Москве, и она, управляясь в конце минувшего года во Вешенскую, пообещала навести интересующие меня справки у отца.

Вернувшись из Вешенской, дочь писателя привезла долгожданный ответ отца: «Жил тогда на Плющихе, в Долгом переулке...».

Был у меня и другой вопрос, относящийся к годам пребывания М. А. Шолохова в Москве в начале двадцатых годов. Тогда, как общеизвестно, он приехал в Москву, чтобы продол-

жить образование. За плечами его было всего четыре класса гимназии. Остальные классы Михаил Шолохов проходил, участвуя в установлении Советской власти, в гражданской войне на Дону. «С 1920 года служил и мыкался по донской земле», — значится в одной из шолоховских автобиографий. О жизни в Москве в своих до предела лаконичных автобиографиях писатель говорит скупо. Только выступая однажды на партийном собрании, он, вспоминая о прибытии в Москву (отчет об этом напечатала 31 июля 1934 года «Правда»), поделился с товарищами:

«В Москве я очутился в положении одного из героев Артема Веселого, который пришел после окончания гражданской войны регистрироваться на биржу труда. — Какая у вас профессия? — спросили его. — Пулеметчик, — ответил он.

Но профессия пулеметчика тогда уже не так была нужна, как во время гражданской войны».

Приехав осенью 1922 года в столицу, Михаил Шолохов, успевший к тому времени сменить несколько профессий — статистика, учителя низшей школы, продовольственного комиссара и бойца, на вопрос инспектора биржи труда: «Какая у вас профессия?» (помещалась биржа в Рахмановском переулке, там, где теперь Минздрав СССР), ответил: «Продовольственный комиссар».

В Москве Михаил Шолохов пополнил стотысячную армию безработных. «Несколько месяцев, будучи безработным, жил на скудные средства, добытые временным трудом чернорабочего. Все время усиленно занимался самообразованием», — это шолоховские слова из автобиографии 1934 года.

Где жил Михаил Александрович в то самое трудное время в Москве?

По-видимому, никто из исследователей его об этом не спрашивал. «В Москве у Шолохова не было ни родных, ни знакомых», — утверждает в одной из последних книг. Но, оказывается, это, как и многое другое, — «литературоведческая» выдумка. Дед писателя Михаил Михайлович Шолохов — уроженец купеческого Зарайска, из Подомосковья, у него насчитывалось восемь детей. Значит, у отца Шолохова была большая родня не только на Дону. Не мог он оставить единственного сына в Москве у чужих, безразличных людей. А прожив, будучи гимназистом в Москве, «года два-три», естественно, и Михаил Шолохов сам занял здесь знакомых.

На второй вопрос: где жил Михаил Александрович, приехав в Москву осенью 1922 года, я получил от него такой ответ, переданный Марией Михайловной.

— Там же, на Плющихе, в Долгом переулке...

Ответил Шолохов по-старомосковски. Прежде переулки обязательно привязывались к своей улице, что облегчало их нахождение. Плющиха с переулками имела свое лицо, свои особенности, как Таганка, Арбат...

Долгий переулок носит теперь имя Бурденко. В годы жизни на Плющихе Шолохова в переулке насчитывалось тридцать зданий-особняков и доходных домов, треть которых сохранилась до наших дней. На Плющиху в другое время, но примерно в том же возрасте, что и Михаила Шолохова, привезли в Москву учиться Льва Толстого. Его дом с мезонином, хотя и перестроенный недавно, стоит на прежнем месте. Не сохранился ли дом, где в годы первой мировой войны и после революции довольно долго жил М. А. Шолохов? На этот вопрос я надеюсь также получить ответ...

Лев КОЛОДНЫЙ.